

УДК 811.81

КОММУНИКАТИВНОЕ СМЯГЧЕНИЕ В БЫТОВОМ ОБЩЕНИИ

© С. С. Тахтарова

*Казанский федеральный университет
Россия, Республика Татарстан, 420008 Казань, ул. Кремлевская, 18.
Тел.: +7 (843) 233 71 09.
E-mail: alfia@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению стратегий и тактик коммуникативного смягчения в бытовом дискурсе. Исходя из основных характеристик бытового дискурса, определяющих среди прочего коммуникативное поведение говорящего субъекта в ситуациях непринужденного личностно-ориентированного общения, анализируются митигативные стратегии и тактики, направленные на сохранение коммуникативного баланса и обеспечение эффективности интеракции.

Ключевые слова: коммуникативное смягчение, дискурс, стратегия и тактика, коммуникативный баланс, эффективность, компетенция.

В исследованиях, посвященных изучению разговорной речи, в качестве ведущего признака последней отмечается ее непринужденность, выражающаяся в относительной свободе речеповеденческих проявлений коммуникантов, меньшей релевантности социально-этических, коммуникативно-ситуативных и психологических ограничений, сокращения социальной дистанции между собеседниками [1–4]. Кроме того, аксиоматичным в настоящее время является тот факт, что личностно-ориентированный бытовой дискурс, представленный разговорной формой общения, диалогичен и является генетически исходным типом общения [5]. И. Н. Борисова, исходя из предложенного М. Бахтиным принципа разграничения первичных, сложившихся в условиях непринужденного общения, и вторичных форм и жанров общения, приходит к выводу о том, что разговорный диалог относится к первичным формам общения, а коммуникативные события институциональной сферы, соответственно – к вторичным [6, с. 50].

По мнению О. Б. Сиротининой, такие основные свойства разговорной речи, как персональность и ситуативность общения, наиболее ярко выражены при общении родственников, друзей, близких знакомых [7, с. 50]. Персональность общения проявляется в том, что интересы собеседника, возможности понимания им темы и т.п. хорошо известны говорящему, а ситуативность – в опоре на ситуацию общения, активном использовании не только слов и интонации, но и мимики, жестов. Разговорная речь теряет ряд своих характерных черт при общении малознакомых людей или если исключено использование мимики и жестов. Это своего рода периферия разговорной речи. Кроме того, разговорная речь характеризуется неподготовленностью, неофициальностью и непосредственностью общения, что позволяет говорящему более активно проявлять в интеракции свои лингвокреативные возможности.

Как отмечает И. Н. Борисова, непринужденность как характеристика поведения (речевого и неречевого) коммуникантов носит субъективный градуальный характер, в зависимости от ситуатив-

ных условий и отношений коммуникантов поведение последних может быть более или менее непринужденным. Особо следует отметить предложенное автором разграничение в рамках разговорного диалогического взаимодействия непринужденной коммуникации (общение, в основе которого лежит фатический мотив или потребность в контакте) и актуальной коммуникации (общение, мотивированное решением некомуникативной – практической или интеллектуальной, познавательной задачи). Несомненный интерес представляет также проведенная И. Н. Борисовой систематизация сфер устной спонтанной диалогической коммуникации, с учетом доминирующих в каждом типе коммуникативных событий речевых жанров [6, с. 62–63].

Согласно К. Ф. Седову, континуум повседневного общения представляет собой систему текучих, меняющихся во времени и пространстве форм речевого поведения, которые способны мгновенно реагировать на любое изменение в структуре социального взаимодействия внутри того или иного этноса [8, с. 220]. Основными гипержанрами повседневного общения являются, по мнению автора, дружеское и семейное бытовое общение.

Диалогические взаимодействия в рамках вышеназванных ситуаций повседневно-разговорного общения зачастую содержат определенные коммуникативные риски, связанные с реализацией потенциально конфликтогенных интенций. Как известно, в процессе общения в зависимости от содержания коммуникативных задач, при несовпадении интересов, мнений, коммуникативных намерений собеседников, выявляющихся в ситуации общения, коммуникативный контакт может приобретать конфликтный характер. Эскалация конфликта ведет, как правило, к нарушению коммуникативного баланса, снижению эффективности коммуникативного контакта. По справедливому замечанию И. А. Стернина, эффективным можно считать такое общение, которое позволяет говорящему достичь поставленной цели и сохранить баланс отношений с собеседником (коммуникативное равновесие), то есть остаться с ним в нормальных отношениях, не

поссориться [9, с. 67]. Знание норм, правил и приемов эффективного и бесконфликтного общения, умение адекватно применить их в нужной коммуникативной ситуации составляет, как известно, коммуникативную компетенцию говорящего субъекта, особое место в структуре которой по праву занимают такие коммуникативные категории, направленные на сохранение коммуникативного баланса в интеракции, как вежливость, этикет, коммуникативная толерантность и коммуникативное смягчение.

Коммуникативное смягчение, или митигация (лат. *mitigare* – смягчать), – это коммуникативная категория, содержанием которой являются стратегии интенционального смягчения, служащие оптимизации речевого контакта. Основные митигативные прескрипции, регулирующие коммуникативное поведение адресанта в потенциально конфликтных ситуациях, можно определить следующим образом: антиконфликтность, некатегоричность, неимпозитивность (термин Т. В. Лариной), глорификация (повышение коммуникативного статуса партнеров по коммуникации) и эмоциональная сдержанность [10, с. 59]. Несмотря на то, что, как указывалось выше, социально-этические нормы играют менее важную роль в разговорно-бытовом общении, митигативные прескрипции оказывают значительное влияние на речевое поведение коммуникантов и в повседневной интеракции, детерминируя обращение последних к тактикам коммуникативного смягчения. Специфика разговорной речи проявляется, однако, в том, что данные тактики характеризуются меньшей клишированностью, позволяя адресанту проявить свою лингвокреативную компетенцию.

Так, например, для межличностного обиходного дискурса характерна большая вариативность в использовании различных форм обращений, реализующих тактику эмоциональной настройки, или **фасцинативную** тактику.

В настоящее время аксиоматичными стали утверждения о том, что обращения, задавая определенную тональность или стиль общения уже на начальной стадии и вызывая определенные ожидания у адресата, дают адресату соответствующую субкодированную информацию, в соответствии с которой последний выводит прагматические инференции [11, с. 142]. По справедливому замечанию Н. Д. Арутюновой, обращение, представляя собой прагматическую вставку в общение, двойственно в функциональном отношении. С одной стороны, оно позволяет адресату идентифицировать себя как получателя речи, а с другой – в апеллативе зачастую выражается отношение говорящего к собеседнику [12, с. 115]. Используя ту или иную форму обращения, говорящий может выделять в адресате релевантный для своих коммуникативных целей аспект, задавать социальную дистанцию. Кроме того, апеллативы, направленные на приведение

собеседника в состояние, благоприятное для восприятия и изменения поведения, могут задавать определенное отношение адресата к говорящему, выполняя фасцинативную функцию [13, с. 89], и, в силу этого, зачастую предваряют просьбы, например:

- *Венечка, помоги, пожалуйста, – взмолилась я, – ты ас компьютерных технологий, гений мышки, повелитель клавиатуры!* (Д. Донцова).

Эмотивно маркированные апеллативы также могут использоваться для смягчения отказа, критики наряду с такими, достаточно ритуализованными митигативными **метадискурсивными** тактиками, как извинение, обоснование отказа, указание на вынужденность сообщаемого и т.п., например:

- *Извини, Лампуша, но я невероятно устала. Сегодня отбирала вещи для съездов, и просто беда. У меня аллергия на кролика, а его, длинноухого, как назло, во все коллекции насовали. ...Я обчихалась, наелась таблеток и сейчас реанимируюсь яблочным кальяном. Никуда ехать не могу, прости. Да же ради тебя!* (Д. Донцова).

- *Ты какой-то все-таки ненормальный был, Ефим. Не сердчай – не по злобе говорю. Я не лаяться пришел* (В. Шукшин).

В разговорном межличностном дискурсе, кроме тактики эмотивных апеллативов, активно используется **ксеноденотативная тактика**, смягчающая как директивную, так и оценочную иллюзию. Следует отметить, что употребление диминутивов традиционно выделяется как одна из особенностей разговорной речи, представляя собой «выражение своеобразно понимаемой вежливости» [14, с. 66]. Кроме того, использование диминутивных дериватов, по справедливому замечанию Л. Л. Федоровой, это одновременно и приближение по шкале *свой-чужой*, в результате которого происходит вовлечение адресата в общее коммуникативное пространство, обычно сочетаемое с положительными коннотациями или эмоциями, включающими в себя весь спектр контекстно обусловленных значений: нежности, жалости, удовольствия, приветливости и т.п. [15, с. 187].

Таким образом, данная тактика отражает коммуникативную интенцию адресанта, направленную на создание определенной атмосферы общения, благоприятной для реализации говорящим его конечной интенции – директивной, оценочной и проч., например:

- *Счас огурчиков вам порежу, капустки... – хлопотала Анисья, сама все нет-нет да глянет на Кондрата.*

- *Значит, хорошо живешь, тетя Анисья? – опять спросил Пашка. – Здоровышко как? – Бог милует, Паша.*

- *Самое главное. Так.. ну что, дядя Кондрат?... Фотографируем по стаканчику? (В. Шукшин).*

Обращение к диминутивам в данном диалоге реализует фатическую интенцию коммуникантов,

направленную на создание доброжелательной тональности общения. Все трое собеседников чувствуют определенную напряженность, обусловленную самой ситуацией неожиданного сватовства. Если проследить за дальнейшим развитием диалога, то можно убедиться в эффективности выбранной коммуникантами общей стратегии, так как она, формируя позитивную тональность речевого контакта, способствует в конечном итоге реализации основной интенции Пашки – сватовства.

Ксеноденотативная тактика также активно используется при директивном смягчении, например:

1) *Нам бы с вами. ...по дельцу отъехать. Вы не забыли?* (Т. Устинова).

2) *Кстати, мой вам совет: завтра с утречка приезжайте и зарезервируйте коттеджик, а то кто-нибудь его перехватит* (Д. Донцова).

3) *Как устроился-то? Слушай, приезжай сегодня ко мне! Этак к вечерку. Баньку протопим, с неводшиком на речку сбегает...* (В. Шукшин).

Особый интерес представляют случаи ксеноденотативного использования языковых единиц, которые, как отмечалось выше, объективно не должны были бы подвергаться уменьшению, так как по своей семантике являются обозначением строго отмеренного времени – *минута, неделя, год* и т.п. Указанные диминутивы активно используются при смягчении директивной иллокуции, снижая возможные неудобства адресата, связанные с выполнением просьбы, например:

1. *Не знаю, – пробурчала Лена, – вот и решила такую штуку сделать. Ты поработаешь месячишко-другой, а я посмотрю, как Аллочка себя поведет* (Д. Донцова)

2) *Когда ты выходишь на работу?*

- *Через недельку, наверное. Посмотрим. Я еще не решил* (А. Маринина).

Как отмечает Ю. А. Рылов, диминутивность в современном русском языке, являясь доминантной категорией, носит достаточно агрессивный характер, постоянно расширяя сферу своего распространения [16, с. 143]. В других языках, в частности немецком, итальянском, французском и проч., диминутивность также присутствует, но играет гораздо менее активную роль в повседневном общении и не отличается столь богатой палитрой реализуемых в интеракции прагматических смыслов.

При директивном смягчении в дружеском общении достаточно активно используется также **аппроксимативная тактика**, снижающая точность количественной характеристики предмета речи, например:

- *Дашутка, ну согласись, совсем ненадолго, месяца на два* (Д. Донцова).

Анализируя стратегии и тактики смягчения в разговорно-бытовом дискурсе, следует также отметить **тактику дейктической деактуализации**, предполагающую использование слов типа *того, это*, субституирующих неприемлемые по тем или

иным причинам номинации предмета речи, а также **тактику умолчания**. Данные митигативные тактики возможны, по нашему мнению, преимущественно в сфере разговорного общения, в котором особую роль играет ситуация протекания речевого контакта, позволяющая правильно интерпретировать семантически опустошенные формы, ср.:

1) - *И сколько их? – мрачно спросил Олег.*

- *Десять штук, – ответила я.*

- *Офигеть, – не выдержал Курприн. – Может, их ...того?*

- *Нет! – хором заорали мы с Томочкой и Крисей. – Никогда!* (Д. Донцова).

2) - *Он был до старости лет бодрый и не навалился, как ... некоторые. – Юрка отнял книгу. – И не валялся потом на печке, не матерился* (В. Шукшин).

3) - *Полина у нас на особом положении, умеет кому надо вовремя... Ну, вообще, понятно* (Д. Донцова).

Подтверждением тезиса о том, что эффективность общения прямо пропорциональна затраченным коммуникативным усилиям, служит тот факт, что в одном высказывании могут использоваться сразу несколько митигативных средств:

1) - *Ксюшенька, не могли бы заскочить ко мне домой на секундочку? ... Забегите, ангел мой, на секундочку* (Д. Донцова).

2) - *Линзы забыла вставить ... Сейчас, Лешенька, еще полминутки подожди* (А. Маринина).

Подводя итог, можно сделать вывод, что обращение говорящего субъекта к митигативным тактикам, реализующим стратегии оценочного, директивного, ассертивного смягчения в ситуациях, осложненных коммуникативными рисками, направлено на сохранение позитивной тональности общения и, тем самым, на обеспечение эффективности коммуникативного контакта. Использование митигативных средств служит созданию психологической аттракции, или эмоционально-психологического притяжения, основанного на положительных эмоциях, вызванных не только внешним видом собеседника, но и его действиями, в том числе и речевыми, вербальными и невербальными [17, с. 133]. Возникающий в результате психологической аттракции когнитивный унисон, или психологический комфорт, обеспечивает в конечном итоге сохранение коммуникативного баланса в общении. В митигативно маркированной коммуникации можно говорить, таким образом, о своеобразном усилении посредством смягчения – снижение иллокутивной силы высказывания ведет к внутреннему усилению эффективности коммуникативного контакта, обеспечивая оптимальную реализацию интенций собеседников в общении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Девкин В. Д. Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. М.: Высшая школа, 1981. 159 с.

2. Земская Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М.: Языки славянской культуры, 2004. 688 с.
3. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы) // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 103–366.
4. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 186 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
6. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.
7. Сиротинина О. Б. Все, что нужно знать о русской речи: пособие для эффективного общения: учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 224 с.
8. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 7–38.
9. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: ИПЦ МОУ ВЭПИ, 2001. 252 с.
10. Тахтарова С. С. Этнокультурная категория смягчения в коммуникативном аспекте // Филологические науки, №4, 2008. С. 55–62.
11. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
12. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
13. Тарасов Е. Ф. Место речевого общения в коммуникативном акте // Социальная психоллингвистика: хрестоматия. / сост. К. Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2007. С. 74–95.
14. Крысин Л. П. Формы существования (подсистемы) русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 33–77.
15. Федорова Л. Л. Эмоции в грамматике // Эмоции в языке и речи: сб. ст. / отв. ред. И. А. Шаронов. М.: РГГУ, 2005. С. 178–199.
16. Рылов Ю. А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. М.: Гнозис, 2006. 304 с.
17. Седов К. Ф. Дискурс как суггестия. Иррациональное воздействие в межличностном общении. М.: Лабиринт, 2011. 336 с.

Поступила в редакцию 10.10.2012 г.